

К. В. Чугунов
(Санкт-Петербург)

Монгун-тайгинская культура эпохи поздней бронзы Тувы (типологическая классификация погребального обряда и относительная хронология)

Эпоха поздней бронзы — предскифское время — является наименее изученным периодом в истории Тувы. Положение усугубляется сложностью выделения археологических памятников, относящихся к этому переходному времени. Между тем, слабая изученность эпохи поздней бронзы Тувы объясняется, видимо, не столько “неуловимостью” памятников, сколько их специфичностью. В настоящее время учтено около двухсот курганов, не содержащих данных, позволяющих отнести их к тому или иному периоду. Формальный анализ этих комплексов позволяет выделить довольно большую серию погребальных памятников, относящихся к предскифскому времени.

ПОСТРОЕНИЕ КЛАССИФИКАЦИИ. Формализованное описание по 34 качественным признакам было сделано для объектов, где зафиксированы все три важнейшие компонента погребального обряда: конструкция наземного сооружения, устройство могилы, положение погребенного. Данные по этим комплексам были введены в компьютер и в результате построена корреляционная таблица (рис. 1).

Объединяющим признаком для большинства комплексов явилась поза погребенного — на боку, вытянуто или со слегка согнутыми ногами. Следовательно, можно считать этот признак таксономическим уровнем первого порядка.

Следующим по значимости компонентом обряда является способ устройства могилы. На этом уровне выделяются две большие группы погребений: погребения, совершенные в неглубоких узких ямах; могилы, сооруженные на уровне древней дневной поверхности. В этих группах, в свою очередь, выделяются несколько типов погребальных конструкций. В первой группе — могилы с обкладкой по краю ямы и без нее. Во второй — погребения, обложенные камнями (к этому типу отнесены также курганы с погребениями на горизонте, где погребальные камеры не зафиксированы при полевых исследованиях); погребения в наземных камерах-цистах. Последний тип разде-

ляется на два подтипа — цисты с погребениями на уровне горизонта и цисты с углубленным дном камеры.

Отдельно рассмотрены курганы, содержащие могилы с иной позой погребенного. Погребения на боку с подогнутыми ногами совершались на уровне древнего горизонта в двух типах могильных конструкций: цисты (7 курганов), из них три — комбинированные, то есть часть плит, образующих стенки, установлены на ребро; каменные ящики (4 кургана). Скифская погребальная поза, наличие сопроводительного инвентаря в курганах этого типа [Кызласов, 1979: 36] позволяют отнести эти памятники к эпохе ранних кочевников, а особенности конструкции могилы синхронизируют их с курганом Аржан [Чугунов, 1992: 78–79]. Необходимо отметить, что хотя эта группа памятников состоит лишь из 11 комплексов, однако именно эти курганы подвергались наибольшему ограблению, так как обряд предусматривал сопроводительный инвентарь. За то, что данный тип памятников действительно может быть выделен, говорит ряд ограбленных курганов с могильной конструкцией в виде каменного ящика на уровне горизонта, а также несколько курганов с комбинированными цистами.

Серия из девяти курганов с вытянутыми на спине костяками пока не поддается классификации.

Конструкция наземного сооружения кургана не нашла отражения в предлагаемой классификации по нескольким причинам. Во-первых, недостаточно методичные исследования вызывают сомнения относительно полученных результатов. Во-вторых, признаки сооружений достаточно однородны и, следовательно, их таксономический уровень низок. Это, конечно, не исключает учета их особенностей в анализе материала. Для проверки полученных результатов формального анализа в компьютер был введен новый параметр — коэффициент корреляции, который высчитывался по формуле

$$K = \frac{a \times b}{c},$$

где a — количество признаков в первом из сравниваемых классов, b — во втором, c — число общих признаков. Таблица построенная для $K \geq 0,85$ исключает малозначимые признаки и в наиболее чистом виде отражает типологическую классификацию безвещевых погребений Тувы (рис. 2). Название, предложенное для этих памятников А. Д. Грачем [Грач, 1971] — курганы монгун-тайгинского типа (МТТ) — сохраняется в классификации только для памятников, где положение погребенного в могиле — вытянуто на бок. Вместе с тем, предлагается признать правомочным употребление понятия “монгун-тайгинская культура” (МТК), которое уже применялось в литературе. Курганы, содержащие в наземных камерах погребения на боку с подогнутыми ногами отнесены к аржанскому этапу (рис. 3).

Разные типы курганов встречаются повсеместно, где проводились археологические работы. Так, курганы МТТ1 известны во всех районах Тувы, памятники МТТ2 и 3 встречены везде, кроме юго-восточного района. Данная классификация, очевидно, отражает как хронологические, так и локальные различия между памятниками. Картографирование показало, что курганы МТТ3 “б” сосредоточены только в центральном районе на правобережье Енисея. Отметив это, конечно следует помнить, что территория Тувы исследована очень неравномерно и новые работы могут внести коррективы.

ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ХРОНОЛОГИЯ. Безынвентарность погребального обряда затрудняет датировку памятников МТК. Особенно сложно определить нижнюю дату появления этих курганов в Туве. Очевидно, этот вопрос может быть рассмотрен в связи с появлением в Минусинской котловине племен — носителей карасукской культуры. На возможность сопоставления двух соседних регионов указывает прежде всего характерная погребальная поза, аналогичная монгун-тайгинской. Погребения МТТ1, наиболее близкие по обряду к карасукской культуре, вероятно древнейшие из всех рассматриваемых типов. Узкие, часто расширяющиеся в головы, ямы сопоставимы с трапециевидными каменными ящиками минусинских памятников.

Немногочисленные находки из курганов МТТ1 также говорят об их относительной древности в сравнении с погребениями на уровне горизонта. Так, на могильнике Бай-Даг 3 в двух погребениях кургана 3 (МТТ1а) найдены кремневые наконечники стрел со вогнутым основанием и мелкие обломки бронзовых предметов [Мандельштам, 1968: 170]. На могильнике Аргалыкты 2 исследованы выкладки подчетыреугольной формы, содержащие погребения МТТ1а. В кургане 6 на костях погребенного зафиксированы следы охры, а среди камней сооружения 7 найдены фрагменты керамики со сплошным “елочным” орнаментом [Трифонов, 1966: 25–27].

Для определения относительной хронологии памятников МТК, вероятно, значимой является

корреляция типов курганов с ориентировкой погребенного. Показательно, что юго-западная ориентация, встреченная в курганах МТТ1-2, не известна для курганов с цистами. В то же время, это направление очень характерно для обряда андроновской культуры, распространенной в Минусинской котловине в предкарасукское время. В связи с этим интересны единичные находки вещей андроновского облика на территории Тувы. Так, например, два браслета со спиралевидными окончаниями найдены в разрушенном погребении на могильнике Аймырлыг [Мандельштам, Стамбульник, 1980: 46].

Характерно, что могильные ямы в архаичных памятниках МТК сравнительно глубоки: в МТТ1а — до 0,7 м, тогда как в МТТ1б — до 0,35 м. Здесь появляется обкладка ямы камнями — прообраз будущей наземной погребальной камеры.

Однако, погребения в ямах не могли трансформироваться в захоронения на уровне горизонта чисто эволюционным путем. Причина здесь, видимо, в изменении самой концепции погребальной обрядности. Погребальный обряд, как известно, один из самых консервативных компонентов духовной культуры общества. Ритуалы, составляющие его, строго регламентированы. Всякие существенные изменения обряда могут означать либо массовый приток иноплеменников — носителей другой идеологии, либо мощное влияние традиций соседней культуры. Здесь нужно отметить, что погребения на уровне древней поверхности появляются в период финальной бронзы не только на территории Тувы. Курганы с безынвентарными могилами на горизонте раскопаны Г. П. Сосновским в Забайкалье на р. Селенга [Сосновский, 1930: 154]. На Горном Алтае распространены погребения в каменных ящиках на уровне горизонта [Евтюхова, Киселев, 1941: 82–86; Цыб, 1980: 68–71], хотя датировка этих курганов эпохой бронзы оспаривается [Абдулганев, Киришин, Кадиков, 1982: 62–64]. В Восточном Казахстане также встречены погребения на уровне древней дневной поверхности [Арсланова, 1974: 49]. Все эти памятники, конечно, не тождественны и принадлежат различным культурам. Объединяют их некоторые элементы обряда — наземные сооружения из камней, устройство могилы на уровне древнего горизонта и западная ориентировка погребенных. Такие курганы появляются на очень обширной территории в эпоху поздней бронзы и существуют в отдельных регионах еще в раннескифское время. Можно предположить, что все эти районы входят в зону влияния какого-то мощного культурного образования, погребальный обряд которого включает известные нам компоненты.

Памятники, где эти компоненты представлены, широко распространены в Центральной Азии под названием “херексуры”. Это сооружения, состоящие из округлой каменной насыпи в центре, обнесенные кольцевой или квадратной оградой, соединенной с центральным курганом перемычками из камней. Под насыпью на уровне горизонта обычно расположено погребение в

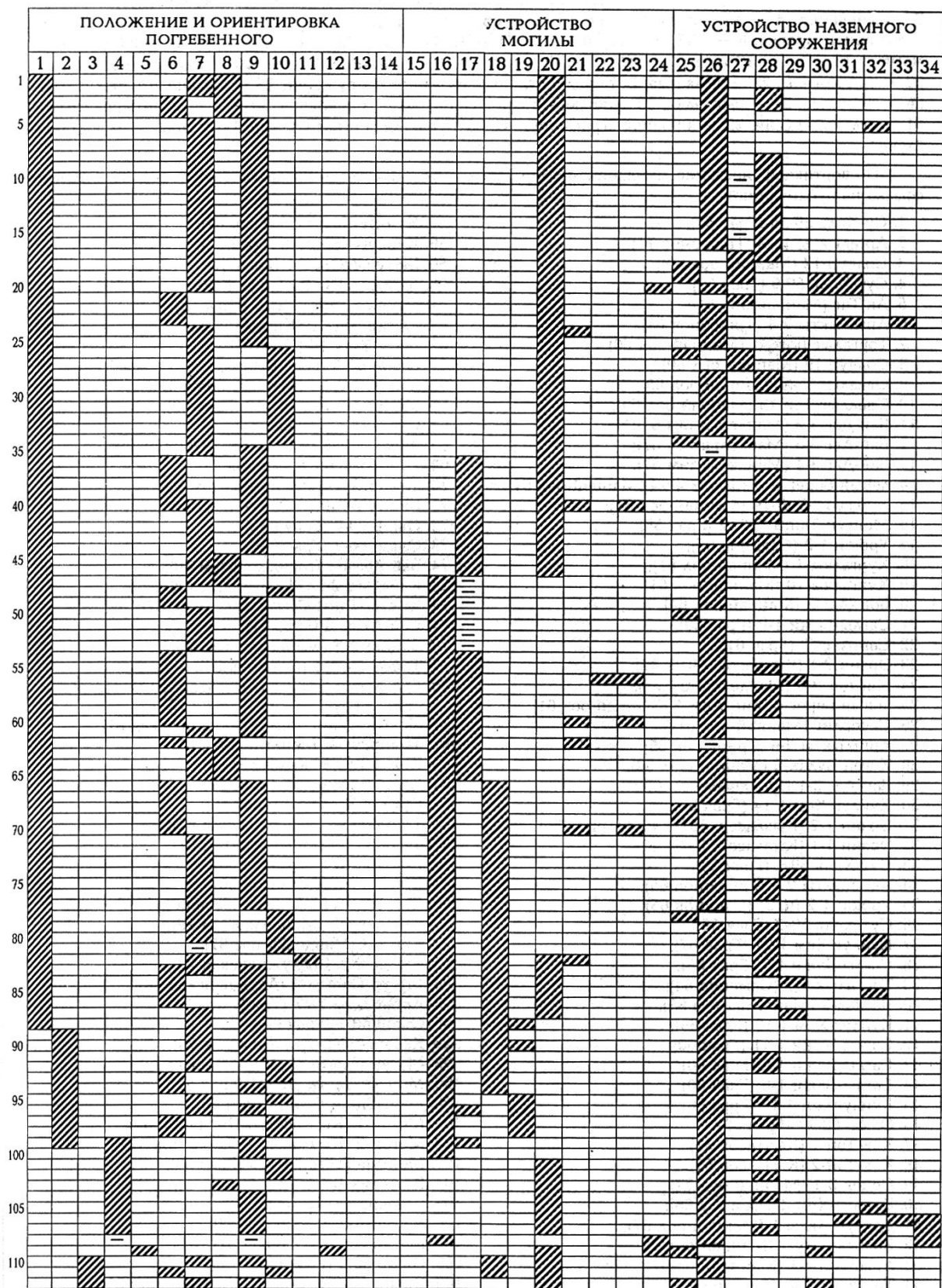

Рис. 1 Корреляционная таблица признаков погребального обрада в курганах с безвещевыми захоронениями.

По горизонтали: признаки — положение погребенного: 1 — на боку, 2 — на боку с согнутыми ногами, 3 — скорченно, 4 — на спине, 5 — на спине с согнутыми ногами, 6 — на правом боку, 7 — на левом боку; ориентировка: 8 — ЮЗ, 9 — З, 10 — СЗ, 11 — С, 12 — СВ, 13 — В, 14 — ЮВ, 15 — Ю; устройство могилы: 16 — на горизонте, 17 — обкладка, 18 — циста, 19 — каменный ящик, 20 — яма, 21 — две могилы, 22 — три могилы, 23 — смежные, 24 — коллективные; наземное сооружение: 25 — в плане четырехугольное, 26 — округлое, 27 — выкладка, 28 — кольцо/крепида одно, 29 — два кольца, 30 — ограда четырехугольная, 31 — угловые камни, 32 — внешняя ограда круглая, 33 — внешняя ограда четырехугольная, 34 — выкладки "лучи".

По вертикали: название памятника-номер кургана (в скобках — исследователь и год раскопок или ссылка на публикацию):

1. Су-Холь 59-15 (Грач 59);
2. Аргалыкты 1-43 (Трифонов 71);
3. Солчур-12 (Маннай-оол 60);
4. Сут-Холь 59-9 (Грач 59);
5. Ак-Таг (Маннай-оол 61);
6. Аргалыкты 2-4 (Трифонов 65);
7. Торгалыг (юж)-1 (Маннай-оол 60);
8. Солчур-19 (Маннай-оол 60);
9. Оваалыг-Тэй (Маннай-оол 60);
10. Оваалыг-Тэй-13 (Маннай-оол 60);
11. Бай-Даг 3-2 (Мандельштам 67);
12. Бай-Даг 3-6 (Мандельштам 67);
13. Бай-Даг 3-4 (Мандельштам 67);
14. левый берег р. Тарлашкын-4 (Маннай-оол 61);
15. Хурээлиг-Тэй-19 (Маннай-оол 61);
16. Монгун-Тайга "Е" -2 (Грач 58);
17. Урбюн 1-3 (Савинов 65);
18. Хургалчы-1 (Маннай-оол 61);
19. Хупгалчы-10 (Маннай-оол 61);
20. Бош-Даг-3 (Маннай-оол 64);
21. Саглы-Бажи 1-9 (Грач 60);
22. Сай-Аксы 9 (Грач 61);
23. Эрзин 2-1 (Кызласов, 1979: 47);
24. Бай-Даг 3-3 (Мандельштам 67);
25. левый берег р. Бий-Хем-1 (Маннай-оол 61);
26. Сесерлиг (Маннай-оол 61);
27. Аргалыкты 2-6 (Трифонов 65);
28. Кеген-Булак-6 (Маннай-оол 62);
29. Бай-Даг 3-1 (Мандельштам 67);
30. Куйлуг-Хем 1-14 (Грач 66);
31. Эрзин 1-2 (Кызласов, 1979: 46-47, рис. 28);
32. Эрзин 1-1 (Кызласов, 1979: 46);
33. Сут-Холь 59-1 (Грач 59);
34. Аргалыкты 2-7 (Трифонов 65);
35. Урбюн 1-2 (п. 3) (Савинов 65);
36. Сут-Холь 59-2 (Грач 59);
37. Куйлуг-Хем 1-21 (Грач 67);
38. Саглы-Бажи 1-7 (Грач 60);
39. Торгалык 2-2 (Семенов 84);
40. Часкал-3 (Мандельштам 65);
41. Куйлуг-Хем 1-19 (Грач 66);
42. Саглы-Бажи 1-11 (Грач 60);
43. Саглы-Бажи 1-6 (Грач 60);
44. Саглы-Бажи 1-8 (Грач 60);
45. Куйлуг-Хем 1-12 (Грач 66);
46. Овюр 60-17 (Грач 60);
47. Кок-Тэй-1 (Кызласов 55);
48. Кок-Тэй-2 (Кызласов 55);
49. Сенек 3-1 (Маннай-оол 77);
50. Куйлуг-Хем 4-1 (Самбу 66);
51. Доргун-Аксы-1 (Маннай-оол 67);
52. Калбак-Ужу-1 (Маннай-оол 63);
53. Арыг-Асты-1 (Маннай-оол 67);
54. Торгалыг 1-4 (Семенов 84);
55. Каравей 2-2 (Длужневская 78);
56. Аргалыкты 9-3 (Трифонов 67);
57. Куйлуг-Хем 1-25 (Грач 67);
58. Куйлуг-Хем 1-23 (Грач 67);
59. Мугур-Аксы 2-1 (Грач 57);
60. Мугур-Аксы 2-21 (Грач 57);
61. Монгун-Тайга "В"-3 (Грач 58);
62. Темирслуг-10 (Кириллов 83);
63. Боом-Усту-16 (Грач 57);
64. Овюр 61-5 (Грач 61);
65. Бай-Булуң-19 (Маннай-оол 64);
66. Монгун-Тайга "В"-10 (Грач 58);
67. Сай-Аксы-10 (Грач 61);
68. Кезек-Даг-2 (Кызласов, 1979: 44);
69. Торгалык 1-1 (Семенов 84);
70. Темирслуг-6 (Мандельштам 81);
71. Монгун-Тайга "В"-8 (Грач 58);
72. Овюр 60-8 (Грач 60);
73. Овюр 60-7 (Грач 60);
74. Бай-Даг 4-1 (Мандельштам 79);
75. Кара-Даг 2-1 (Мандельштам 80);
76. Кызыл-Тэй-1 (Кызласов, 1979: 37);
77. Сай-Аксы-8 (Грач 61);
78. Бай-Даг 3-1 (Мандельштам 66);
79. Торгалык 1-5 (Семенов 84);
80. Бай-Даг баары 3-1 (Кызласов, 1979: 41, рис. 23-1);
81. Новый Эйлиг-Хем-8 (Длужневская 81);
82. Темирсут-4 (Мандельштам 82);
83. Кежи-6 (Мандельштам 82);
84. Кежи-5 (Мандельштам 82);
85. Куйлуг-Хем 1-20 (Грач 66);
86. Темирсут-3 (Мандельштам 82);
87. Темирсут-2 (Мандельштам 81);
88. Шанчиг-15 (Кызласов 60);
89. Шанчиг-16 (Кызласов 60);
90. Шанчиг-18 (п. 2) (Кызласов 60);
91. Бай-Даг 4-2 (Мандельштам 79);
92. Кежи-7 (Мандельштам 82);
93. Каравей 2-4 (Длужневская 78);
94. Мугур-Саргол-4 (Длужневская 78);
95. Аргалыкты 1-47 (Трифонов 71);
96. Овюр 60-1 (Грач 60);
97. Каравей 2-1 (Длужневская 78);
98. Мугур-Саргол-2 (Длужневская 78);
99. Монгун-Тайга "В"-24 (Грач 58);
100. Арыг-Бажи (Вайнштейн 56);
101. Могой-1 (Кызласов, 1979: 44-45, рис. 27);
102. Могой-2 (Кызласов, 1979: 45, рис. 27);
103. Монгун-Тайга "Д"-26 (Грач 58);
104. Кежлик-Болун-2 (Маннай-оол 61);
105. Шанчиг-4 (Кызласов 60);
106. Мугур-Аксы 2-3 (Грач 57);
107. Мугур-Аксы 2-2 (Грач 57);
108. Овюр 60-3 (Грач 60);
109. Эрзин 1-3 (Кызласов, 1979: 46, рис. 25-4);
110. Сут-Холь 59-7 (Грач 59);
111. Кежи-4 (Мандельштам 82);
112. Монгун-Тайга "В"-17 (Грач 58)

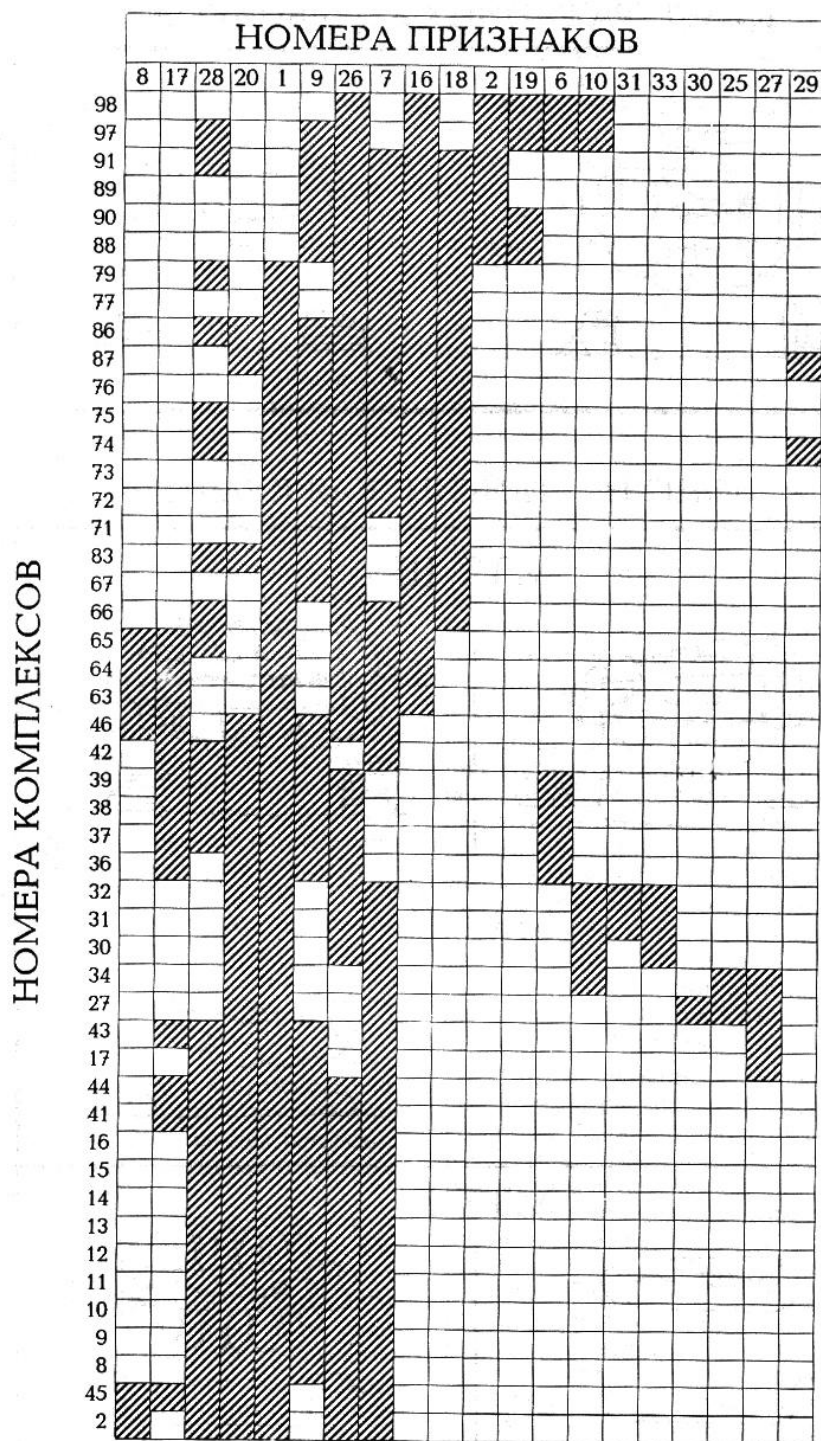
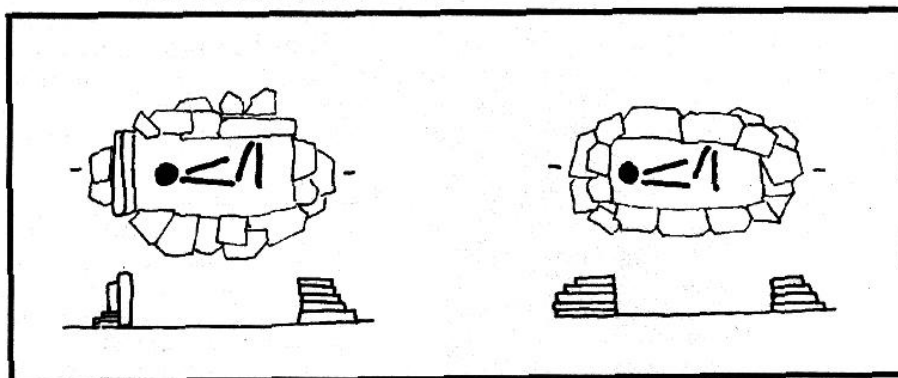

Рис. 2. Корреляционная таблица с учетом коэффициента корреляции

КУЛЬТУРА РАННИХ КОЧЕВНИКОВ

МОНГУН – ТАЙГИНСКАЯ КУЛЬТУРА

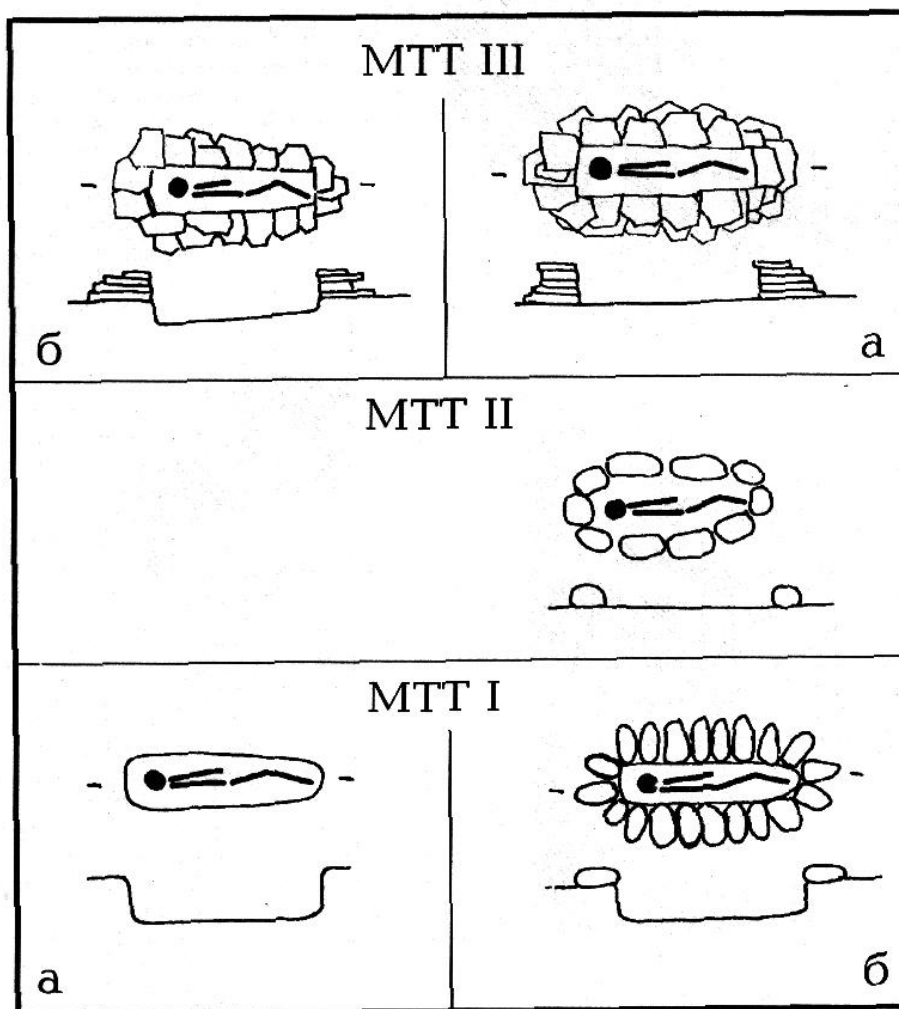

Рис. 3 Схема типологического развития безвещевых погребений Тувы

каморе-цисте или в каменном ящике. Умерших хоронили на спине в вытянутом положении, головой на запад или северо-запад. Безынвентарный обряд затрудняет хронологическое определение этих памятников, но, не смотря на это, интерес к ним в настоящий момент сильно возрос. Это не случайно, так как херексуры распространены на огромной территории от Забайкалья до верховьев Иртыша. Памятники эти отличаются сложностью планиграфии, отражающей большую семантическую нагрузку, заключенную в них.

Сравнение погребальных конструкций херексуров и курганов МТК с цистами на горизонте показывает близость обрядовой концепции. Сходство это отмечалось исследователями [Коновалов, 1987: 121; Цибиктаров, 1988: 131]. В то же время не правомерно объединять эти категории памятников, как это делает Ю. С. Худяков [Худяков, 1987], прежде всего потому, что курганы МТТ объединяются в самостоятельную археологическую культуру, ареал которой лишь южнее хребта Танну-Ола захватывает область распространения херексуров. Название "культура херексуров и оленных камней", предложенное Ю. С. Худяковым, не может быть принято, так как в конструкции этих памятников *in situ* зафиксированы только изваяния саяно-алтайского типа [Грач, 1980: рис. 115; Волков, 1981: 73, табл. 91–92]. Сопоставление с херексурами всех оленных камней необоснованно и спорно. Можно говорить только об еще очень мало изученной культурной общности, оставившей своеобразные погребальные памятники. Датируются херексуры исследователями по-разному. Ю. С. Худяков, указывая на случаи перекрытия оград херексуров плиточными могилами, относит их к эпохе развитой бронзы [Худяков, 1987: 157–158]. А. Д. Цибиктаров и А. С. Суразаков определяют их хронологические рамки периодом поздней бронзы [Цибиктаров, 1988; Суразаков, 1988 б]. М. Х. Маннай-оол и Л. Р. Кызласов предлагают дату не раньше скифского времени [Маннай-оол, 1970: 17–18; Кызласов, 1979: 42, рис. 24]. В. В. Волков осторожно датирует эти сооружения в пределах 1 тысячелетия до н. э. [Волков, 1967].

Как бы то ни было, нельзя не отметить заметное влияние традиций этой культурной общности на соседние регионы. В частности, различные реминисценции идеи радиальных выкладок в погребальной конструкции известны на очень большой территории и в большом хронологическом диапазоне. Так, в Читинской области в бассейне Онона исследован могильник бронзового века из 18 плиточных могил. Интересна его планиграфия. У подножия сопки находится крупная могила, от нее радиально расходятся "дорожки" из камней, на которых расположены меньшие по размеру плиточные могилы [Кириллов, Ковычев, 1971: 187–188]. В Туве известно радиальное расположение деревянных конструкций в кургане Аржан [Грязнов, 1980] и "лучи" из вертикально врытых плит в скифском кургане у горы Бош-Даг [Маннай-оол, 1964]. Радиальные столбовые конструкции в сочетании с погребениями на горизонте исследованы в Приарале на могильнике Уйга-

рак [Вишневская, 1973: 61]. Такие же сооружения исследованы китайскими археологами на могильнике Гумугоу около озера Лоб-Нор в Синьцзяне [Синьцзян... , 1985]. Исследователи отмечают андроновский антропологический тип в этих курганах [Хань Каньсин, 1986: 363–384]. С. И. Руденко отмечает расходящиеся в разные стороны каменные "лучи-дорожки" у больших пазырыкских курганов [Руденко, 1953: 28]. Внешние ограды вокруг надмогильного сооружения, распространенные на Саяно-Алтае в скифское время, тоже, вероятно, восходят к погребальной традиции херексуров. Следует отметить, что культуры, воспринявшие эти традиционные элементы, одновременны и существуют на разных территориях с эпохи поздней бронзы по скифское время включительно. Их список может быть значительно расширен за счет аналогий другим элементам обряда, но нам важно отметить диахронный характер распространения инноваций, позволяющий предположить наличие единого генерирующего центра не позже предскифского времени. Вероятнее всего связать его с культурой херексуров, понимая условность определения всего массива этих памятников как культура.

Единство культурных элементов на очень большой территории фиксируется при рассмотрении некоторых ритуальных сооружений (рис. 4). Выкладки прямоугольной формы из камней или вертикальных плит с полукруглой пристройкой известны в различных регионах. Аналогичные ограды есть в Туве на могильнике Аргалыкты 2 [Трифонов, 1966: 26] и на Алтае [Окладникова, 1986: 79]. Подобные выкладки осмотрены Ю. Н. Рерихом в межгорных долинах Северного Тибета [Рерих, 1930: 16, рис. 5]. Возможно, сходные концептуальные истоки имеет планиграфия некоторых херексуров Северо-Западной Монголии [Худяков, 1987: 143].

С этими памятниками сопоставимы некоторые типы оград исследованного А. С. Суразаковым на Горном Алтае могильника Ирбисту 1 [Суразаков, 1988а: рис. 12-1], датированные автором эпохой поздней бронзы. Примечательно, что в этом могильнике раскопана прямоугольная выкладка (ограда 7) с угловыми стенами, содержащая погребение, которое, по предлагаемой классификации, может быть отнесено к МТТ1а [Суразаков, 1988а: рис. 5]. Аналогичные сооружения исследованы на юго-востоке Тувы М. Х. Маннай-оолом на могильнике Хургалчи [Маннай-оол, 1961]. Такой тип памятников не распространен на Алтае и, возможно, комплекс могильника Ирбисту 1 с одной стороны фиксирует культурные связи двух территорий в эпоху поздней бронзы, с другой — датирует рассмотренные выше ритуальные сооружения Тувы и Алтая.

Возвращаясь к влиянию культуры херексуров в Туве, можно с большой вероятностью связывать с ним изменение концепции погребального обряда и, как следствие, смену памятников МТТ1 курганами с могилами на уровне горизонта. Однако, инновации коснулись не только этого элемента обряда. Усложняется вся конструкция наземного

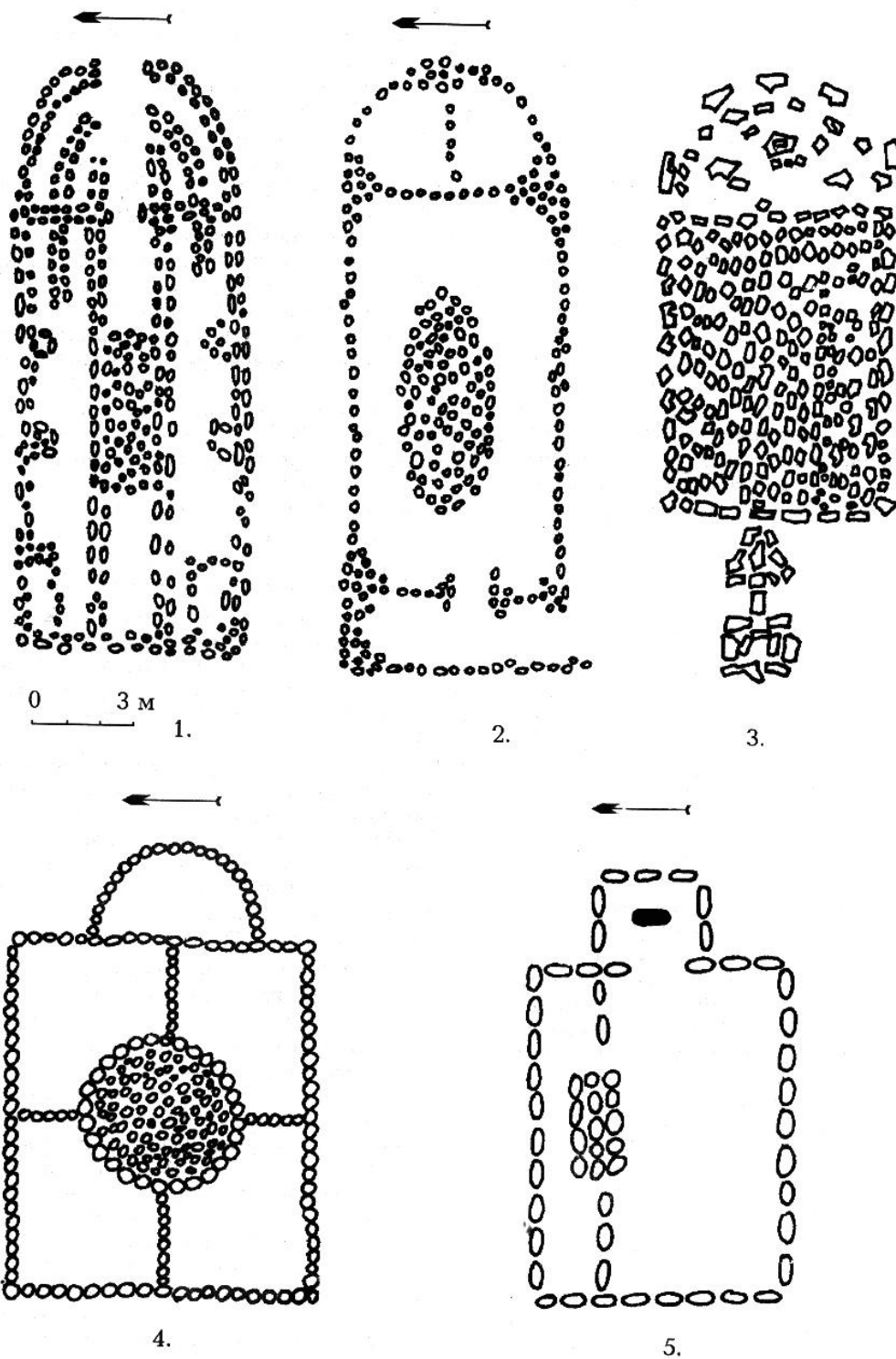

Рис. 4 Ритуальные сооружения

1. по Трифонову (1966)
2. по Окладниковой (1986)
3. по Рериху (1930)
4. по Худякову (1987)
5. по Суразкову (1988а)

сооружения. Появляются дополнительные кольца, встречаются пристройки, ритуальные выкладки. Курганы МТТ2-3 в среднем вдвое больше по размерам памятников МТТ1, что тоже можно считать следствием тех же влияний.

Появление в Туве прямоугольных форм наземного сооружения и угловых камней, встречающихся еще в памятниках МТТ1а, видимо, нужно связывать с юго-восточными контактами. Более того, появление в каменоложских оградах Южной Сибири угловых стел, вероятно, свидетельствует о прохождении через Туву носителей определенных традиций далее на север. Эта линия связей фиксируется также на основании данных материальной культуры [Лазаретов, 1988: 13]. Сходство плиточных могил с раннетагарскими оградями Хакасии отмечал еще С. В. Киселев [Киселев, 1947].

Таким образом, анализ имеющегося материала позволяет предложить следующую последовательность типологического развития погребального обряда МТК (Рис. 3):

1. Каменные курганы с погребениями в неглубоких узких ямах (МТТ1а);

2. Каменные курганы с погребениями в неглубоких узких ямах с обкладкой из валунов по краю (МТТ1б) — возможно сосуществуют с МТТ1а, но, могут отражать развитие обряда при переходе к погребениям в наземных камерах;
3. Каменные курганы с погребениями на горизонте и обкладкой погребенного камнями (МТТ2) — возможно являются вариантом МТТ3;
4. Каменные курганы с погребениями в камерах-цистах на уровне горизонта (МТТ3). Для погребений МТК всех типов характерна погребальная поза — вытянуто на боку, головой в западном направлении.

Верхняя хронологическая граница МТК определяется временем начала аржанского этапа эпохи ранних кочевников, памятники которого представлены в Туве курганом Аржан и серией курганов с погребениями на уровне горизонта в "скифской" позе — на боку с подогнутыми ногами. Близость погребальной концепции заставляет предполагать преобладание местного субстрата в населении Тувы аржанского времени [Семенов, Чугунов 1987: 73–75].

* * *

Абдулганеев М. Т., Кирюшин Ю. Ф., Кадиков Б. Х. 1982. Материалы эпохи бронзы из Горного Алтая // Археология и этнография Алтая. Барнаул.

Арсланова Ф. Х. 1974. Погребальный комплекс 8–7 вв до н. э. из Восточного Казахстана // В глубь веков. Алма-Ата.

Вишневская О. А. 1973. Культура сакских племен низовьев Сыр-Дарьи в 7–6 вв. до н. э. М.

Волков В. В. 1967. Бронзовый и ранний железный век Монголии. Улан-Батор.

Волков В. В. 1981. Оленные камни Монголии. Улан-Батор.

Грач А. Д. 1971. Новые данные о древней истории Тувы // УЗ ТНИИЯЛИ, вып. 15. Кызыл.

Грач А. Д. 1980. Древние кочевники в центре Азии. М.

Грязнов М. П. 1980. Аржан — царский курган раннескифского времени. Л.

Евтюгова Л. А., Киселев С. В. 1941. Отчет о работе Саяно-Алтайской экспедиции в 1935 г. // Труды ГИМ, вып. 16. М.

Киселев С. В. 1947. Монголия в древности // Известия АН СССР, т. 4, вып. 4. М.

Кириллов И. И., Ковычев Е. В. 1971. Исследования в Читинской области // АО 1970 г. М.

Коновалов П. Б. 1987. Культура курганов-херексоров Центральной Азии // Проблемы археологии Степной Евразии. Часть 1. Кемерово.

Кызласов Л. Р. 1979. Древняя Тува. М.

Лазаретов И. П. 1988. Конструктивные особенности погребальных сооружений предскифского времени в Хакасии (Вопросы реконструкции и датировки) // Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Часть 2. Омск.

Мандельштам А. М. 1969. Новые данные о могильниках Бай-Даг 2 и 3 // АО 1967 г. М.

Мандельштам А. М., Стамбульник Э. У. 1980. О некоторых проблемах истории ранних кочевников Тувы // Новейшие исследования по археологии и этногенезу тувинцев. Кызыл.

Маннай-оол М. Х. 1961. Полевой отчет // Архив ИА, Р – 1 2343.

Маннай-оол М. Х. 1964. Полевой отчет // Архив ИА, Р – 1 2940.

Маннай-оол М. Х. 1970. Тува в скифское время (уюкская культура). М.

Обкладникова Е. А. 1986. К вопросу о каменных выкладках в долине реки Елонгаш // Традиционная культура народов Центральной Азии. Новосибирск.

Рерих Ю. Н. 1930. Звериный стиль у кочевников Северного Тибета // Прага.

Синьцзян... 1985. Синьцзян гудай миньцзу вэньу – 7. Пекин. (на кит. яз.)

Семенов В. А., Чугунов К. В. 1987. Роль субстрата в сложении культур скифского облика в Туве // Проблемы археологии Степной Евразии. Часть 2. Кемерово.

Сосновский Г. П. 1930. Археологическая Бурят-Монгольская экспедиция // Отчет о деятельности Академии Наук за 1929 г. – 2. Л.

- Суразаков А. С. 1988 а. Ирбисту 1 // Проблемы изучения древней культуры населения Горного Алтая. Горно-Алтайск.
- Суразаков А. С. 1988 б. Об этногенезе населения Горного Алтая рубежа эпохи бронзы и скифского времени // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул.
- Трифонов Ю. И. 1966. Работы на могильнике Аргалыкты // АО 1965 г. М.
- Хань Кансин 1986. Антропологические характеристики черепов с древнего кладбища у реки Кунцюэхэ в Синьцзяне — Каогу сюэбао — 3. Пекин (на кит. яз.).
- Худяков Ю. С. 1987. Херексуры и оленные камни // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск.
- Цыб С. В. 1980. Новый тип памятников бронзового века Горного Алтая // Барнаул — 250 лет. Барнаул.
- Цибиктаров А. Д. 1988. О датировке херексуров в Южной Бурятии, Северной и Центральной Монголии // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул.
- Чугунов К. В. 1992. Выделение погребальных памятников аржанского времени в Туве // Исторические чтения памяти М. П. Грязнова. Часть 2. Омск.

The Mongun-Taiga cultures of the Late Bronze Age in Tuva (the typological classification of the funeral rite and the relative chronology)

The inadequate state of investigation of the Late Bronze Age in Tuva is to be explained not only by the "imperceptibility" of the monuments of this period, but also by their specific character. The formal analysis of the funerary rites connected with a group of barrows containing no grave-goods investigated on the territory of Tuva allows to make a typological classification of these monuments. The common feature unifying the majority of the groups of the position of the buried: sideways, outstretched or with slightly bent knees. Such position is similar to the Minussa basin. The burials implied by this feature must be related to the Mongun-Taiga culture (MTC) of the Late Bronze Age (this name suggested by A. D. Gratch (1971) is used here to define several related types of burials (MTT). Within the MTC several types of monuments have been singled out: 1) barrows of MTT 1 with burials in narrow shallow pits, their edges in some cases framed with stones, in some cases displaying no frame at all (MTT 1a); 2) barrows of MTT 2 with burials on the old ground surface with the covering of the buried with stones; 3) barrows of MTT 3 containing burials on the old ground surface covered with high vaults consisted of horizontal slabs (MTT 3a) and in surface burial chambers with the burials slightly lowered (MTT 3b) (p. 3). The series of barrows with vault burials laid sideways with bent legs should be related to the Arzhan stage of the early Nomad age, of the Scythian type in Tuva [Чугунов 1992].

The relative chronology of the MTC monuments may be established according to the elements of the funeral ceremony and also from rare finds. So, the earlier date for the burials in narrow pits (MTT 1) is confirmed by the finds of flint arrow heads in the burial ground of Bay-Dag 3 [Мандельштам, 1968: 170].

The transformation of the custom evincing in the appearance of burials on the ancient horizon level reflects the radical changes in the conception of the funeral rites of the population of Tuva of the Late Bronze period.

Burials on the horizon level are known at that time for different cultures of contiguous and comparatively distant from each other territories. The funeral rites of these cultures have certain other common features: the western orientation of the buried and the presence of surface stone constructions covering the graves.

We may presume that the similarity of the principal features of the custom should be explained by the general influence of same well-established culture with the funeral custom including similar components: monuments, where all these features are present, are known in Central Asia under the name of "kherecksurs". They were spread over a wide territory from Baikal area to the upper Irtysh. Some attempts have been undertaken on order to unify all these complicated constructions into one culture [Худяков, 1978] but now the definition of "the culture of kherecksurs" may be used very relatively. Grave goods have not been stimulated by

the funeral ceremony in khherecksure, and we can only ascertain the similarity of the funerary conception in this region.

So long as different reminiscences of the constructive features of khherecksure are to be met on a wide territory within wide chronological frames since the Bronze Age we may assume the existence of common generating centre of innovations no later than in the pre-Scythian time. This center is most probably connected with the territory of the khherecksure diffusion.

The similarity of Cultural elements spread on wide territory is noted in the ritual constructions of specific shape from different regions of Central Asia. Reverting to the influence of the Khherecksure culture in Tuva we can ascribe to the change in the funeral custom conception and as a result of it — the substitution of the monuments of MTT 1 for the barrows with burials on the horizon level. However the innovations have touched not only this element of the funeral custom. The whole design of the surface construction was becoming more complicated. There were extra rings, extensions and ritual constructions of stones. The barrow of MTT 2-3 are usually twice as large as the monuments of MTT 1 which was also the result of those influences. The appearance of the rectangular shapes of surface constructions and of the angular stelae which were to be met also in the monuments of MTT 1a must be apparently connected with South-Eastern contacts. Moreover, the appearance of angular stelae in the monuments of the pre-Tagar period in Minussa basin apparently testifies to the movement of the bearers of definite traditions through Tuva forwards the North.

The Mongun-Taiga culture of the Late Bronze Age in Tuva as a whole is characterized by the funeral custom without any grave goods, the burial posture outstretched, sideways with the head directed westwards, and by several types of grave design reflecting the chronological development of the culture.